

84(Д2411.2)6
К 63

Сергей Комаров

неугасимое

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

---

84 (22411. 2)6

К 63

Сергей Комаров

181777/314

Медленнее

КНИГА СТИХОВ

Тюмень, 2016

УДК 821.161.1-1
ББК Ш44(2=411.2)6-5
К630

Комаров Сергей. Медленнее: книга стихов.
Тюмень: «Печатник», 2016. 48 с.

Новая книга стихов Сергея Комарова включает тексты, написанные в 2014-2016 годах, а также ряд текстов (четвёртый раздел), созданных в 1970-х – начале 1980-х годов, и вместе с предыдущей книгой автора «Изречие» (Тюмень, 2015) мыслится им как диалогия.

В оформлении обложки книги использована работа Марселя Дюшана «Грустный юноша в поезде»(1911)

ISBN 978-5-4266-0120-8

9 785426 601208

Отпечатано в типографии ООО «Печатник»
Тюмень, ул. Республики, 148 корп. 1/2.
Тел. (3452) 20-51-13, тел./факс (3452) 32-13-86

Тираж 500 экз. Зак. № 1547

© Комаров С. А.
© Граник С.-М., оригинал-макет

СОДЕРЖАНИЕ

I. Прикол надземелья

«Сойди с предмета, мой зрачок упорный...»	6
«Чем ближе к земле...»	7
«Всех разменяет и отставит...»	11
«Ключись, мой мальчик, из земли...»	13

II. Не оборачивайся

Пытка воздухом	16
«Любовник или разоритель...»	17
«Не оборачивайся...»	19
«Не вывёртывай карманы...»	21
«Ты упадёшь как перекрёсток...»	23
«Щека к щеке...»	24
«Твое родимое пятно...»	25

III. Ближе чем близко

«Тоска бреет затылок...»	30
Ганимед	32
«Он гладил его холодеющий хобот...»	33
«Киношная картинка...»	34
«Сигарету держал не себе...»	35
«Ближе чем близко...»	36

IV. Из первых тетрадей

«Увидев собственную кровь...»	38
«Он умер...»	39
«Ходили по дому, как ждали врача...»	41
«Час пробил – мать уже нестрашно...»	42

V. Позвоночник воды

«Постареешь...»	44
«Зайти в смешанный лес...»	44
«Щенков раздаривая, плакать...»	45
«Цвет острет...»	46
«Бьёт хвостом до последнего...»	47
«Оно смотрит сверху в низ...»	48

I

Крича надземелья

***

Сойди с предмета, мой зрачок упорный,
Расфокусируй в сторону бинокль.
Пред вечностью движенье твоё вздорно
И память мизерна, как траурный венок.
Сместить прицельность и узреть изнанку,
Отчаянье в себе перемолоть,
Обжить её, что древние стоянку,
Как местность новую, ощупать свою плоть.
И бить в живот, расталкивать пределы,
И болью петь, и закрывать глаза,
И слух острить, нацеленный на тело,
В себя впиваясь, вовлекаясь в «за».
Переть наружу, духовей – реактор,
Выбрасывая тысячу рентген,
И ведать, сколь свободен может автор
Быть наудачу, высветляя тлен.

Григорий надземный

***

Чем ближе к земле,
тем наглядней объём
и тела, и страсти летучей.
Висеть на игле
стрекозой день за днём –
что может быть легче и лучше.

Откуда игла
и нанизывал кто –
не скажут, и право:
то в крылья игра
и в полёт над плато,
то страсть и забава.

Рыться напрасно
и в ней, и в себе –
в коллекцию случай.
Горело – погасло,
свистело в трубе –
проколычок, голубчик.

Григорий надземелья

Здесь всем по чуть-чуть,
потому и слова
в почёте и в росте,
они точно ртуть,
набирают права,
объёмят и мостят.

Нотострекозный
тоннаж черепов
дрожит над землёю –
не высшие козни,
для поиска слов
висят, перегноют.

Взойдёт словосудье,
и станет честней
прикол надземелья.
Язык космолюдный
среди птиц и червей
содеет заделье.

Григорий надземный

И право, и лево,
и бус горизонт,
и звень вертикали
сошлись для запева
в закон и резон
и чуда взалкали.

Звук чисел и букв
наволняет предел,
ведя в беспредельность,
музыкою рук
и сердечностью стрел
квантируя цельность.

Бозоня сознание,
улёт в метафиз
фундирует душу,
и водное зданье
стиха, как карниз,
крепит метасушу.

Григорий Назвизиани

Чем ближе к земле,
тем наглядней объём
и тела, и страсти летучей.
Висеть на игле
стрекозой день за днём –
что может быть слаще и лучше.

Григорий надземный

***

Всех разменяет и отставит –
без объяснений, без причин.
Смотри: в лицо тебе кричит
безоговорочно о праве.

Мы перед ними точно мать,
дитя ж резвится вне порока.
Бесстыдна молодость, жестока –
её всесилье не унять.

Их не догнать, у них иной
расчёт и счёт любви, породы.
Не открывай свои комоды,
удел предьявится – бац! – твой.

Воспой их силу, чистоту,
отдай наделы и пределы,
иначе право их и делать,
приняв и нас как дар нату-

ры – вот и не отвлечь
из обихода и дохода,
и через огонь пройти вне брода,
и не слететь ни с губ, ни с плеч.

И не жестокость, а бессмертье –
восполнить формы бытия,
зелёной лавой лития,
в хват ползущей вне усердя.

И разумом неповреждён,
мир наполняется и звучит,
и каждый час его как лучший,
и лучший ты, коль им рождён.

***

“Так мой к тебе стремится дух...”
 (“Ключ” Г. Державина)

“Знаешь, отчего хороша пустыня? - сказал он. -
Где-то в ней скрываются родники...”
 (“Маленький принц” А. Сент-Экзюпери)

Ключись, мой мальчик, из земли,
тянись и бейся сладко,
тебя дождаться не могли,
открыть в подкожность складку.
Ты был затерян, заслонён,
засушен суетою,
сочись по почве сквозь времён
барьеры, и тобою
пусть растечётся связь стихий -
увлажнена, воздета,
озернена, как и стихи,
взошедшие про это.

Григорий надземный

Ключись на нотную строфу,
в линейку звукоряда,
ключись в заветную страну
через дверь с каминным адом.
В камерке Карло феррум твой
сработает, мой мальчик,
мой ключик, вправду золотой,
подходит и иначе.
Тебя дожидаться не могли,
открыть в подкожность складку,
ключись, мой мальчик, из земли,
тянись и бейся сладко.

II

не отрываясь

Пытка воздухом

Между нами ничего, кроме воздуха,
между нами никого, кроме воздуха,
но воздуха не хватает.

Как под водою –
уши заложены.
Глаза закрываешь
безвольно,
катишься вниз
до дна.

И ничего под тобою,
горка без времени,
и всё –
и всё.

Негражданские

***

«Какая рукастая эпоха!»
 («Одно лето в аду» А. Рембо)
 «Лета и лица. Мысли. Каждый случай...»
 (Б. Пастернак)

Любовник или разоритель –
 сколь схожи жаждущие руцы.
 Ты им доверишься: любите,
 и вмиг они войдут, займутся.

Как много рук вокруг гуляет –
 по ним пойти, по ним ударить?
 Кто отомстит – был брат мой Лаэрт,
 теперь он друг козлиных арий.

Как вмиг рождаются сюжеты
 судеб, погибельных влечений,
 и упоительные жесты,
 и логика змеистых мнений.

Не абстрактные

Твой путь высок и неразлучен
со словом, нежностью, спиной,
подставленной под праздный случай,
и каждый случай этот – мой.

И каждый случай этот мой.

Не оборачивайся

***

Не оборачивайся –
узнай меня по дыханию,
я люблю
твой волшебный затылок
и всё, что под ним.

Не оборачивайся –
рассмотрим местность,
вот дерево,
мы поместимся на нём,
если полезем, уснём.

Не оборачивайся –
озеро ждёт нас,
не плещется и не вздыхает,
просто помнит вчерашний вечер.

Не оборачивайся –
за озером лошадь, белая лошадь.

Не оборачивайся

Ей одиноко,
на ней никто не скакал,
никто не объездил.
Как нарисованная, как неживая,
только кивает.

Не оборачивайся.

***

Не вывёртывай карманы –
не выворачивай память.
Не стоит предъявлять мелочь,
не стоит поднимать мелочь.
Я не шарюсь по чужим карманам,
не интересуюсь чужими деньгами.
У нас будут свои деньги,
своё казначейство.
Их не примут в чужих магазинах,
мы не придём менять на товар их.
У нас будут свои бумажки,
свои железячки.
Я буду рисовать их ночами,
нарезать из железной двери, из крыши,
где можно устроить монетный двор –
двор для желающих не спать
и гулять самим по себе.
Заправь карман – он трясётся
и что-то напоминает.

не останавливаться

Вот видишь, медленнее.
У нас будут свои деньги,
и их хватит на нашу жизнь.

***

«Пьяной горечью Фалерна...»
(А. Пушкин)

Ты упадёшь как перекрёсток
на мой заснеженный фонарь,
и улица забьётся в простынь
и отведёт глаза как встарь.
И ты найдёшь своё лекарство –
моя аптека ждёт таких –
весёлых носщиков лукавства,
любимчиков паров лихих.
Вертись, челнок, ходи на дело,
упейся вздохом забытья,
и, разорвав креста пределы,
сложись в прямую, как и я.

не абстрактное

***

Щека к щеке –
молчание.

Колени в колени –
жизнь в жизнь.

Не абстрактное

***

Твоё родимое пятно,
что песнь степи, родимо,
протянутое как окно –
вкруг ветерки носимы.
А водишь по нему, оно
землисто, как дорога,
как солнцелбелое кино,
где чёрного немного.

Оно ложится на меня
и жмётся, притираясь.
А если вскачь – что взять с коня!
до края прёт да в край из
последних лучших конских сил,
и, сбросив в ночь всю упряжь,
на дно планеты, как настил,
завалится под утро,
и станет пятнышком её,
копейкой дна колодца,

копъём, летящим сквозь копъё,
пятном, упавшим с солнца.

Родимое, родись, роди,
веди, влечи, не жмурясь.
Как конь, губою из реки
тяну тебя – речкуюсь.
Напиться не могу, добрать
твоей родимой влаги,
как мать-сыру, степную мать,
тяну тебя в свой лагерь
и не оставлю никому –
до голыша без кожи
зубами выдеру, дорву –
до мяса и до дрожи.

Родимого не отдаю
и не делю, забудьте
сей путь к степному алтарю –
я вас порву на прутья.

Не оторвать, не прикупить

Не оторвать, не прикупить
моей любви и ноши.

Губить – пригубь, пригубь – губи,
достань себя из ножен.

И не жалея и не желая
пощады и участия,
здесь на двоих последний рай –
и он же ад из счастья.

the albumine

III

Träume von Luzern

Тоска сити биндас

***

Тоска бреет затылок,
давит жизнь накорню.
Тело пело, остыло
и пригодно для ню.
Парикмахер неспешно
по затылку идёт
и рукою нездешной
свой окончит поход.

Неприменно покажет
тебе в зеркальце, что
будет с мальчиком каждым
после вздёрнутых штор.
И простынка сдираясь –
глянь, ползёт по тебе
из-под горла, лихая, –
сыпанётся.

В ходьбе
ты запнёшься, замедлишь,
обходя волос свой,

Григорий Сивилас

окрупнеешь, чуть мельче
тень мелькнёт за тобой.

Оглядишься и на пол
вновь скосишься. Тоска
жизнь раздавит.

Кто сцапал
цвет поющий с виска?
Открывая альбомы
ежедневного ню,
мы с тобой невесомы,
хоть стоим накорню.

Ганимед или близнец

Ганимед

Он стоит на остановке –
тонкий, словно девочка большая.

Никуда не торопится,
не оглядывает выходящих,
что расходятся в пустоту.

Здесь нет его номера,
он просто ждёт, ждёт,
он знает о встрече.

Он знает о ней всё
и никуда не торопится.

Медленнее, медленнее,
ещё, ещё.

Тонкий, словно девочка большая,
он стоит на остановке
и знает о встрече.

Григорий Сивилский
***

«– Прочти-ка Одена, Бориска»
(Б. Рыжий)

Он гладил его холодеющий хобот –
тот вынес живым в раз который из боя,
напарник с улыбкой обложки «Плейбоя»
размял сигарету незряче и, чтобы
она засветилась, стучал по карманам,
нащупал огниво, скопился на брата,
машина в песке и ремонтных заплатах
уже не казалась ковчегом обманным.
И, сплюнув, пошёл тяжелеющим ходом,
шепча механически «на тебе хобот».

***

Киношная картинка,
где парень со звездой
штыком дырявит куклу,
а кукла ни «ой-ой».
Он метит в грудь и сердце,
он колет от души,
а ей, родной, не деться
и дырок не зашить.
Истерзанное тело –
доволен им старшой,
накрикивает парню,
кивает головой.
Идут мужские игры,
штык ищет чью-то плоть,
а после спит убито
и вновь готов колоть.
И руки лучше держат
и колют веселей,
не различая крови –
чужой, чужой, своей.

Григорий Селиванов

***

Сигарету держал не себе,
а на случай, и выдался случай:
говори, я ведь парень везучий,
ты же знаешь, фартовый, не сучий,
лёгкий в стенку и на ходьбе.
Значит, завтра. Простимся, простынка,
здесь дотрут твой казённый уют
и под новые кости дадут
ту же метку – цифирчатый спрут,
спеленаешь вновь мамкою сына.
Неславянской рябой худобой,
полустёртым совеющим взглядом
боком лёг, задремать было надо.
А на завтра пришла не услада –
день пришёл не фартовый, чужой.
И опять целит в глаз мамка-метка –
камнем бьёт о прибрежный песок,
всё болит, и чернеет сосок,
и молчит недвижимо кусок,
чуть прикрыт простынёю, портрет как...

Ближе чем близко

***

Ближе чем близко
стул, подоконник –
что же нас гонит
выскочить в низко?
Что же нас тянет
к форточке настезь –
будто что гасишь,
знаешь: и там нет.
Птичка как в детстве:
летит до асфальта,
прямо, без сальто,
верное средство.
Ближе чем близко
почва, и даже
раздвинется с нас же,
сомнётся, чтоб тискать.
И всё без усилий...

IV

из перьев мемфисит

***

Увидев собственную кровь,
Себе не верим, и не надо,
А вновь появится, мы вновь
На руки смотрим и бравадно,
Себя боясь, но с интересом,
Привыкнуть к мысли не желая,
Вновь ощущение вызываем,
Как скромность опытный повеса,
И сравниваем, удивляясь
Своим намереньям и жестам,
Хотя не раз мы защищались
Лишь тем, что кровь в нас, а не тесто.

***

Он умер.
Ты не писала ему,
писала, рвала, не писала.
Вышли пустые конверты –
он умер.
Так просто,
будто знал, как это будет,
будто он умирал, а другие не знали об этом.
В форточку клали подушку –
он хотел умереть на холодной.
Он очень плакал ночами –
а мы и не знали, что плакал он в жизни.
В собраниях сочинений читал только письма –
чем проще письмо, тем больше восторга оно вызывало.
Размахивая сухими плечами и кулачками длинных рук,
он радовался, а все молчали.
Теперь и он молчит.

из первых тетрадей

Точно сами собой вдруг друзья умирают,
кто-то им помогает, и я помогаю,
и мне помогают.
Приходите мне помогать.

из первых тетрадей

***

Ходили по дому, как ждали врача,
как ждали письма или горсточку счастья,
немного беспечно и плача нечасто
и лишь из приличья порою крича.
Из комнат на кухню, из кухни обратно
ходили, смеялись, как ждали письма.
И вот в кружевах и морщинах зима,
а с ней или бог, боже правый, иль брат твой.
Не бог и не брат твой, не светлый избранник,
а старость и память далёкой мечты,
туманы её так надёжно просты,
что кажется брат вовсе не был изранен,
а жизнь, как и детство, легка и мала,
и нету причины на жданные беды,
и нету улады последней беседы,
а есть лишь надежда на мелочность зла.

***

Час пробил – мать уже нестрашно
с тобой о смерти говорит,
и день ушедший, день вчерашний
в ней удушающе горит.
И так пожар закатный близок,
объята жизнь таким огнём,
что мир от верху и до низу –
весь! – наполняется теплом.
И каждый миг его осмыслен,
окуплен жизнью до конца.
Я к миру этому причислен
и не страшусь его лица.

V

Господомъ Богъ

Позвоночник воды

***

Постареешь –
и увидишь
ПОЗВОНОЧНИК ВОДЫ.

***

Зайти в смешанный лес
и смешаться с ним –
вот задача.

***

Щенков раздаривая, плакать –
их отрывать навек от мамы,
от живота, от панорамы
из обуви, промытой в слякоть,
от рук, кучкующих в коробку
и затирающих озёрца,
от ног, слонеющих на солнце,
ползущему по полу робко.
Приходят руки и разносят
семью в безвестные пределы,
и ты их раб: хозяин, в белом,
смешлив, речист, удачлив – вовсе
не исключителен. Смертельна
разлука, неостановима.
Так ослеплённы в миг любви мы
и разорительны предельно.

Пусть жмётся слабое к большому,
умилюсь заботой,
и распознается: а кто ты,
и рассудь^{ся}б^{ит}ся: и что мы.

***

Цвет острей,
сценичен и быстр,
ветерок ошуршил сохлый лист,
чуть подбросил
и сразу прибил –
разомкнул кулачок его жил,
изогнулся в борьбе кулачок,
тихо хрустнул
и выбрал молчок.
Среди леса
сколёсился ёж –
охладеешь, погаснешь,
замрёшь.

***

Бьёт хвостом до последнего
в волосатых руках под ножом.

Хочет жить золотистая,
хочет плыть золотистая –
невмочь, невмочь.

Чешуя летит – разлетается,
глаз мутнеет, слепнет, ослеп.

Не разглядывай, как умирают,
не насвистывай – ходит нож.

Ходит нож и постукивает,
ходит и не раздумывает,
туда и обратно, дело вершит.

Замер и лёг, отработал.
Отложен, отставлен, забыт.

***

Оно смотрит сверху в низ
и листвой качает
над оврагом, вдаль карниз
будто намечает,
кроной по ветру скребёт,
пустотою ходит –
это древо-самолёт,
как замок на своде.

А по низу копошня –
ручки, ножки, тряпки,
хлопотушки всё заснять,
за детальку цапнуть.

А овраг ползёт, змеит,
режет перспективу –
не учтён, не знаменит,
тянется счастливо,
изогнётся - изогнёт
мелкие предметы,
вдоль погонит мирный скот
до реки – до Леты.

НОВАЯ ЦЕНА

108 руб. 00 коп.

